
	<p>Списание ЕПОХИ Издание на Историческия факултет на ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“</p> <p>Journal EPOCHI [EPOCHS] Edition of the Department of History of “St. Cyril and St. Methodius” University of Veliko Tarnovo</p>		<p>Том / Volume XXXI (2024). Книжка / Issue 2</p>
---	---	--	---

DOI: 10.54664/SQHO2341

**ПЕРВОСТЕПЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ
В «ЭТИКЕ» ПЕТРА КРОПОТКИНА
И В ЕГО ОТНОШЕНИИ К РЕВОЛЮЦИИ
(ПО КНИГЕ ВЯЧЕСЛАВА МАРКИНА «НЕИЗВЕСТНЫЙ КРОПОТКИН»)**

Сергей САЙТАНОВ*

**THE PRIMARY IMPORTANCE OF MORALITY
IN PYOTR KROPOTKIN'S ETHICS
AND IN HIS ATTITUDE TO THE REVOLUTION
(BASED ON THE BOOK BY VYACHESLAV MARKIN
"THE UNKNOWN KROPOTKIN")**

Sergey SAYTANOV

Abstract: *In his last major work, "Ethics", Pyotr Kropotkin summed up the reflections of his entire life, both on the future construction of an anarchist society, and on setting the main priorities in matters of paramount importance of moral values for its emergence and existence. And he considered the emergence of a new ethics, which should be based on a new high morality, to be the main such priority. Morality for Peter Kropotkin is the most significant part of ethics; it is both beauty and harmony, both in nature and in the future anarchist society. In his book "Ethics", Pyotr Kropotkin intended to outline only the main ideas, but he laid the foundation for the whole direction of the new anarchist morality.*

Keywords: *Pyotr Kropotkin, Vyacheslav Markin, ethics, morality, revolution, anarchy, harmony, nature, society.*

Введение

И в Европе, и в России Петра Алексеевича Кропоткина относят к числу старейших русских революционеров (следующей после декабристской волны). Однако, традиционные подходы к рассмотрению общественно-политических взглядов оказались далеко не полными и не точными. Так, в отношении последнего труда Кропоткина – «Этики», существенные дополнения были сделаны Вячеславом Алексеевичем Маркиным [Маркин, В. 2002]. И, прежде всего, это относится к проблеме понятия нравственности в «Этике» П. А. Кропоткина.

---

* *Сергей Сайтанов* – профессор, доктор; Академия за славянска просвета „Св. св. Кирил и Методий“; Москва; Русия; @ ser.saitanov@gmail.com

«Этика» Кропоткина всегда пользовалась популярностью, как в самой России, так и за ее пределами [Кропоткин, П. 1923]. Петр Кропоткин начал работать над трудом по этике еще на рубеже XIX–XX вв [Кропоткин, П. 1900]. Эту тему он развивал в своих публикациях и во время революционных событий в России в 1906–1907 гг [Черное знамя, 1906].

В своем письме к другу и переводчице Марии Исидоровне Гольдсмит, написанном 21 ноября 1912 г. в Брайтоне, Петр Кропоткин пишет: «... Я хочу серьезно написать, хоть вкратце, свою Этику... Мне мало осталось жить и хочу кончить Этику, хоть вчерне...» [Маркин, В. 2002, с. 341].

В Англии Кропоткин жил в Харроу, Бромли и Брайтоне [Маркин, В. 2002, с. 345]. В Петрограде вначале Кропоткин поселился на Рыночной улице у приехавших в Россию несколько раньше дочери Александры и ее мужа Бориса Лебедева. Затем переехал в особняк на Каменном острове [Маркин, В. 2002, с. 349–350]. В Москве Петр Алексеевич жил на Большой Никитской и на Новинском бульваре у публициста и философа Сергея Трубецкого. В Москве Кропоткину пришлось трижды менять квартиру, поскольку дома «бывших буржуев», в которые он поселялся, реквизиовали. В конце своей жизни Петр Алексеевич поселился в Дмитрове на Кооперативной улице (бывшая Дворянская) в доме друга Л. Н. Толстого графа М. А. Олсуфьева.

В Дмитрове, куда Кропоткин перебрался из Москвы в 1918 г. и где он полностью отдался работе над «Этикой», до мая 1920 г. рукопись «Этики» вначале перепечатывала машинистка Дмитровского союза кооператоров, затем вынужденная уехать [Маркин, В. 2002, с. 368].

Первый том написанной Петром Кропоткиным «Этики» состоит из 13 глав, из которых 10 – исторических и только 3 первых – теоретические. При этом, первая глава «Современная потребность в выработке основ нравственности» начинается с обзора последних достижений естественных наук. Кропоткин подчеркивает там, что именно изучение природы, заложившее основы философии, обнимающей жизнь всего мироздания, должно дать естественное объяснение источников нравственного начала личности и указать, «где лежат силы, способные поднимать нравственное чувство до все большей и большей высоты и чистоты» [Маркин, В. 2002, с. 379–380].

Вторая глава «Намечающиеся основы новой этики» отвечает на вопрос, что мешает прогрессу нравственности, рассказывает как развивается инстинкт общительности в животном мире и в человеческом обществе, и утверждает в качестве оснований, реалистической этики Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность [Маркин, В. 2002, с. 380].

Остались наброски еще и отдельных глав второго тома, по которым можно представить себе содержание всей книги [Кропоткин, П. 1990]. В основе ее лежит спор с социал-дарвинистами по вопросу об «аморальности природы. Глубоко убежденный в том, что природа нравственна, Петр Кропоткин находил именно в ней истоки всех самых высоких нравственных устремлений человека [Маркин, В. 2002, с. 382].

Значение нравственности во взглядах Петра Алексеевича Кропоткина во многом определяло и его отношение к такому важному вопросу для любого анархиста, как революция. Надо особо отметить, что вера Петра Кропоткина в присущие изначально, природой данные народной массе высоконравственные качества была безгранична [Маркин, В. 2002, с. 414]. Поэтому Кропоткин до последнего момента не призывал бороться с большевизмом.

Многие из этих мыслей, как и многие другие интересные идеи о жизни и взглядах Петра Кропоткина, описаны в самом неординарном и интересном труде Вячеслава Алексеевича Маркина «Неизвестный Кропоткин». Эта книга позволяет порой переосмыслить, казалось бы, устоявшиеся в науке представления о революционном радикализме анархиста Кропоткина, высвечивая масштаб личности и широту идей самого Петра Алексеевича.

Этика Кропоткина

В письме Петра Кропоткина к своему единомышленнику А. М. Атабекяну, написанному в Дмитрове 9 мая 1920 г., Кропоткин приводит обоснование и причину написания своей «Эти-

ки»: «... Я взялся за этику потому, что считаю эту работу, безусловно, необходимой: я знаю, что не книги создают направления, а наоборот. Но я знаю также, что для выработки направлений необходима поддержка книг, выражающих основные мысли, в обширно разработанной форме. И чтобы положить основы нравственности, свободной от религий и метафизики, и более высокой, чем религиозная, ждущая награды на том свете, необходима помощь хорошо разработанных книг.

В такой разработке теперь... надобность чувствуется неотложная.

Замечательно, - я узнал это недавно, что Бакунин, когда после поражения Коммуны он удалился в Локарно, точно так же почувствовал необходимость выработать новую этику. Кто-нибудь непременно это сделает. Но надо подготовить почву, и раз мой ум меня влечет и в этой области искать новых путей, надо это сделать; хоть наметить пути.

Жить мне осталось немного... Так вот на этику положил я теперь свои силы» [**Почин**, 1922, с. 4; **ОР РГБ**, Ф. 520, К. 3, Ед. хр. 87].

Свою концепцию этики Петр Кропоткин целиком построил на природном фундаменте и естественных науках. Именно изучение природы, заложившее основы философии, обнимающей жизнь всего мироздания, должно было дать по Кропоткину естественное объяснение источников нравственного начала личности и указать «где лежат силы, способные поднимать нравственное чувство до все большей и большей высоты и чистоты» [**Маркин**, В. 2002, с. 380].

В качестве намечающейся основы новой этики Петр Кропоткин выделяет взаимопомощь, справедливость и нравственность. При этом, нравственность «не должна сковывать самостоятельности личности, даже ради такой высокой цели, как благо общества или вида» [**Маркин**, В. 2002, с. 380–381]. Это отличает анархическую этику Кропоткина от коммунистической этики, подчиняющей личность обществу.

Важность работы над «Этикой» для Петра Алексеевича была чрезвычайная и в дальнейшем. «На Этику я положу свои силы», – писал он Александру Моисеевичу Атабекину, не надеясь более на возможности простой агитации: «В агитаторской деятельности, в данное переживаемое нами время, я не чувствую, чтобы слабыми, единичными силами, в России можно было сделать что-нибудь серьезное... 30 лет подготовлялось то, что происходит теперь, — и против этого направления работали только наши, архи-скромные силы, и те не умели объединиться! и те не оценивали силы социал-демократического централизаторства, и верить не хотели в близость возможного сотрясения» [**Почин**, 1922, с. 6].

Между тем, гораздо важнее для нас то, как Петр Алексеевич сам определил задачу своего труда и собственную роль в нем: «Я взялся за Этику, потому что считаю эту работу безусловно необходимой. Я знаю, что не книги создают направления, а наоборот. Но я знаю также, что для выработки направлений необходима поддержка книг, выражающих основные мысли в обширно разработанной форме. И чтобы положить начало нравственности, свободной от религий, и более высокой, чем религиозная, ждущая награды «на том свете», — необходима помощь хорошо разработанных книг» [**Кропоткин**, П. 1991, с. 39].

По замыслу Петра Алексеевича о задачах и целях его работы, «задачи этики лучше всего не смешивать с задачами законодательства. Учение о нравственности даже не решает вопроса, нужно ли законодательство или нет. Нравственность стоит выше этого» [**Кропоткин**, П. 1991, с. 39]. «Цель этики, – как видел ее сам автор Этики, – создать в обществе такую атмосферу, чтобы большинство вполне импульсивно, т. е. без колебаний, совершало бы именно те поступки, которые ведут к благосостоянию всех и к наибольшему счастью каждого в отдельности. Такова конечная цель нравственности. Но чтобы достигнуть ее, мы должны освободить наши учения о нравственности от их внутренних противоречий» [**Кропоткин**, П. 1991, с. 40–42].

Таким образом, Петр Алексеевич Кропоткин намеревался своей книгой не просто наметить основные мысли, но и положить основу целого направления новой анархической нравственности. И это направление должно быть основано, по замыслу П. А. Кропоткина, так же на нерелигиозной нравственности. Новое этическое учение, по мнению Кропоткина, «должно

указать нам, где лежат силы, способные поднимать нравственное чувство до все большей и большей высоты и чистоты» [Кропоткин, П. 1991, с. 25].

Кропоткин о нравственности

Происхождение нравственности пытались объяснить древнегреческие философы, средневековые схоласты, лучшие мыслители XVII в. В Англии, французские материалисты и энциклопедисты XVIII столетия, позитивисты и эволюционисты XIX в.: Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Коперник, Галилей, Френсис Бэкон, Томас Гоббс, Руссо, Бюхнер, Мишель де Монтень, Адам Смит, Джон Стюарт Милль, Огюст Конт, Чарльз Дарвин и др. Но ближе всего Кропоткину оказалась философия Жана Мари Гюйо, утверждавшего, что для того, чтобы поступать нравственно, человек не нуждается ни в каком принуждении [Маркин, В. 2002, с. 381].

Высокие нравственные качества были присущи Петру Кропоткину еще с детства. Затем они выкристаллизовались во время его военной службы в Сибири. Глубоко убежденный в том, что природа не только гармонична, но и нравственна, он именно в ней находил истоки всех самых высоких нравственных устремлений человека [Маркин, В. 2002, с. 383]. Так еще в августе 1863 г. из под Хабаровска в письме к брату Александру Петр Кропоткин писал, что красота в нравственном поступке – т. е. простота и стройность в следствие тех законов, от которых он произошел [ГАРФ, Ф. 1129, Оп. 1, Ед. хр. 36].

Но особенно ярко проявилось отношение Петра Кропоткина к вопросам нравственности во время его участия в кружке «чайковцев», в который Кропоткина в мае 1872 г. привел его университетский друг Дмитрий Клеменц Литературный и идейный вдохновитель кружка «чайковцев», потомственный рязанский дворянин В. Бреви-Флеровский, звал к нравственной революции внутри каждого человека, которая должна привести к революции социальной [Маркин, В. 2002, с. 163, 166].

Кумир «чайковцев» профессор Артиллерийской академии полковник Петр Лавров, арестованный в апреле 1866 г. и сосланный в Вологодскую губернию дал свою формулу прогресса: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении – воплощение в общественных формах истины и справедливости» [Маркин, В. 2002, с. 116–117].

Самым большим другом Петра Кропоткина из числа «чайковцев» был отставной артиллерийский поручик Сергей Кравчинский. И в целом, вспоминал позже Кропоткин, «наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей» [Маркин, В. 2002, с. 167–168]. Видимо, никогда не забывая полученных в их кругу сильных впечатлений, Кропоткин считал позже, что нравственность – это внутренняя гармония человеческого существования [Маркин, В. 2002, с. 382].

Основательные занятия научной деятельностью в Сибири и в Русском Географическом обществе так же оказали свое влияние на Петра Кропоткина. «Кропоткин понимал Природу как некое провидение, благодаря которому повсюду должна царить гармония, в том числе и в человеческих обществах» [Пробуждение, 1931, с. 69-73]. «Общество, которое ищет гармонии в постоянно изменчивом равновесии между множеством разнообразных сил и влияний, именно благодаря этой возможности, свободно проявляются и взаимно уравниваются и служат лучшим залогом прогресса, давая людям возможность проявлять свою энергию в этом направлении. Это общество – самоорганизующееся, саморегулирующееся, самоуправляющееся, это общество народоправства» [Кропоткин, П. 1917, с. 29].

Размышления о нравственности не оставляли Петра Кропоткина и во время его вынужденной эмиграции. Так Кропоткин полагал, что кооперативное движение, зародившееся в Англии в 1844 г., ставило перед собой не только экономические, но и нравственные цели, следуя учению фабриканта Роберта Оуэна, и было очень близко анархистскому движению. В кооперации Кропоткин видел воплощение своих этических и анархических идей [Маркин, В. 2002,

с. 371]. Например, потребности человека в разнообразном труде – вопрос его нравственности [Маркин, В. 2002, с. 367].

Позже, говоря о философском базисе своего нового направления в анархизме, Петр Алексеевич Кропоткин полагал, что в его «разработке, теперь, когда люди бьются между Ницше и Кантом (в действительности, нравственность Канта была религиозная нравственность, сколько она ни прикрывалась «философией»), т. е. между Ницше и христианством, — надобность чувствуется неотложная... Кто-нибудь, непременно это сделает. Но надо подготовить почву, и раз мой ум влечет меня и в этой области искать новых путей, — надо это сделать: хоть наметить пути» [Почин, 1922, с. 5].

В своем очерке «Нравственные начала анархизма» (1890–1907) Петр Кропоткин утверждал, что все учения моралистов обнимает собою принцип равенства, в том числе и анархический, отказывающийся ломать человеческую природу во имя какого бы то ни было нравственного идеала. В распространении разума, любви и активной силы сводится по Кропоткину анархическое нравственное учение [Маркин, В. 2002, с. 324].

Нравственный идеал самого Петра Кропоткина располагался на двух уровнях. Нижний уровень – справедливость: отношения между людьми строятся на основе свободы, равенства и взаимопомощи. На высший уровень – собственно нравственности – человек поднимается, когда мера взаимности превзойдена «без меры и счета», ощущая тем самым высшее счастье. Необходимо лишь дать личности свободу, самостоятельность, снять с нее давление власти [Маркин, В. 2002, с. 384–385].

У Петра Кропоткина благо индивида и благо общества всегда были тождественны, поэтому различие между альтруизмом и эгоизмом не имело для него смысла [Маркин, В. 2002, с. 326]. Компромисс для Кропоткина был неприемлем, поскольку это полупризнание и полусогласие. Но великий анархист полагал, что бывают эпохи, когда нравственное понимание существенно меняется. Тогда нравственность как наука – это простое утверждение фактов, ничего не предписывающая человеку. Но эта наука скажет людям, что обманывать, лгать, интриговать и хитрить – значит унижать, сея и заранее признавать себя слабым [Кропоткин, П. 1991, с. 280–317]. Сильный же, напротив, должен восстать против неправды, лжи и неравенства. Тем более, что борьба для Петра Алексеевича – это и есть жизнь. А в борьбе заключены такие великие радости, которых нет ни в какой другой деятельности [Маркин, В. 2002, с. 328].

Итак, нравственность по Кропоткину – это, прежде всего, внутренняя гармония человеческого существования, в то время как безнравственность – отсутствие этой гармонии, раздвоение, неуравновешенность противоречий [Маркин, В. 2002, с. 382].

Нравственность в революции

Высоко ставя нравственные начала в общественной и политической жизни, Петр Кропоткин еще в 1866 г. в своих записках «Из сибирского дневника» утверждал, что революция не может прибегать к безнравственным мерам, даже во имя самых нравственных начал (Крестовская резиденция, июнь 1866 г.) [Маркин, В. 2002, с. 100]. А в 1872 г. Кропоткин ознакомившись с Центром социалистического движения в Швейцарии, пришел к мысли, что «Исход (революционной борьбы – С. С.) будет зависеть ... и от нравственного влияния преследуемых целей...» [Кропоткин, П. 1933, с. 179].

Петр Алексеевич полагал, что во время политической революции при замене одной формой власти другой не произойдет освобождение народа. Строительство нового общества – это дело других поколений [Кропоткин, П. 1933, с. 179]. Осуществление идеала должно совершиться путем социальной революции. Но далеко не сразу. За одной революцией последует другая, за ней – третья. И чем полнее будут выполнены задачи предыдущей революции, тем более мирными будут последующие перевороты [Маркин, В. 2002, с. 171].

Еще в Англии в одном из интервью он писал: «В совершившемся у нас перевороте нет ничего случайного. Его первыми предшественниками были декабристы девяносто лет тому назад... Революция у нас в России развивается целое столетие...» [Маркин, В. 2002, с. 348].

Затем, хотя и очень сдержанно, Петр Кропоткин поддержал произведенный в России в октябре 1917 г. переворот большевиков при содействии левых эсеров и анархистов, видя в нем проявление инициативы свободных масс. Советы были созданы во время революции 1905 г. творчеством народных масс, и Кропоткину показалось, что этих рожденных на местах органов самоуправления сможет заменить централизованную власть государства и обеспечить обществу политическую свободу. Надежды на торжество экономической свободы Кропоткин связывал с кооперативным движением, тоже зародившимся «снизу». Однако, разгон большевиками Учредительного собрания и устранение из правительства других политических партий, «политика военного коммунизма» с национализацией почти всей промышленности и запретом частной торговли, введение нормированного снабжения и продразверстки, введение цензуры и закрытие нелояльных правительству газет и журналов, а так же массовые аресты, изменили отношение Кропоткина к большевистским властям, хотя он еще надеялся, что сама жизнь заставит приступить к строительству общества подлинного народовластия [Маркин, В. 2002, с. 373].

В первых декретах большевистского правительства («Декрет о мире», «Декрет о земле» и др.) Петр Алексеевич вначале усмотрел близкие ему идеи: земля передавалась по ним крестьянам, заводы и фабрики – рабочим, власть – выбранным народом советам, т. е. местным органам самоуправления. Не случайно, между июлем и октябрём 1917 г. именно анархисты были ближайшими союзниками большевиков и наиболее боеспособной силой октябрьского переворота. Однако, Кропоткин всегда подчеркивал, что стремясь к осуществлению высокого общественного идеала – народовластия, нельзя отступать от него, опасаясь того, что народ еще не готов взять власть в свои руки. Нельзя, дав народу свободу, тут же ее отнимать, в то время как революция по Кропоткину должна непременно стать делом всенародным и всеклассовым. Только тогда она приблизит идеал, а не превратится в свою противоположность [Маркин, В. 2002, с. 357]. Ленин ценил такую поддержку, хотя и считал, что Кропоткин «устарел», но «он все-таки для нас ценен и дорог всем своим прекрасным прошлым...» [Бонч-Бруевич, Б. 1969, с. 443–444].

После разгрома весной 1918 г. в Москве и других городах России вооруженных анархистских групп, в конце августа 1918 г. анархисты-синдикалисты провели конференцию в Москве. Собралось 16 делегаций от десяти городов. В принятой декларации конференция выступила за восстановление вольных советов рабочих и крестьянских депутатов, против института народных комиссаров и руководства партии большевиков, которую называли «партией застоя и реакции». Петра Алексеевича приглашали на эту конференцию, но он не приехал, так как ни на одну из последующих, даже на Первый Всероссийский съезд анархистов-коммунистов, состоявшийся в конце 1918 года. Кстати, в эмиграции Кропоткин тоже не очень-то жаловал подобные «форумы» [Маркин, В. 2002, с. 364].

Петр Кропоткин к этому времени давно осудил террор, считая его совершенно неприемлемым, как в самом анархистском движении, так и вообще в классовой борьбе [Маркин, В. 2002, с. 358]. Еще в 1891 г. в своей статье «Революционная идея в эволюции», он писал, что «якобинская традиция давит нас... будучи оружием правителей, террор служит прежде всего главам правящего класса, он подготавливает почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти...» [Кропоткин, П. 1925, с. 56].

Справедливы и актуальны тогда оставались слова Петра Кропоткина о том, что «Государственная власть возродилась, пользуясь существующим в людях чувством справедливости и выставляя себя защитницей слабых против сильных, а превратилась в «спрута», удушающего своими щупальцами все общество и каждого его члена в отдельности» [Кропоткин, П. 1907, с. 37].

Заключение

У Петра Кропоткина художественно-эмоциональное мышление часто преобладало над научно-логическим, чувственное над строго теоретическим. Это наложило свой отпечаток,

прежде всего, на все его философские и анархические взгляды. Так, еще в августе 1860 г., брат Петра Кропоткина Александр писал ему, что Петр не склонен к умозрениям [Маркин, В. 2002, с. 47].

Публицист и анархист Энрико Малатеста полагал, что Петр Кропоткин не мог с беспристрастной объективностью изучать факты. Малатеста называет его скорее «поэтом науки... Он угадывал истину силой гениальной интуиции. Кропоткин был слишком страстен, чтобы быть точным наблюдателем» [Маркин, В. 2002, с. 409].

Историк и анархист Макс Нетлау утверждал, что «Многие причины поставили его (Кропоткина – С. С.) на рубеже между ученым и пророком» [Макс Нетлау, 1931, с. 54]. А Оскар Уайльд видел Кропоткина «с душой Христа» [Оскар Уайльд, 1905]. Как указывал В. Г. Чертков, «несомненно чувствовалось, что в глубине своей души Петр Алексеевич был совсем не материалистом, но идеалистом чистой воды» [Чертков, В. 1931, с. 298].

Между тем, Н. В. Чайковский полагал, что «в духе своего анархизма Кропоткин был не разрушитель. Он был творец в науке так же, так и в общественной жизни его родины» [Чайковский, Н. 1912]. А Энрико Малатеста даже полагал, что Петр Кропоткин «был одновременно и ученым, и социалистом-реформатором» [Энрико Малатеста, 1931, с. 69–73].

Писатель Ромен Ролан отмечал, что Кропоткин «просто и естественно воплотил в своей личности тот идеал моральной чистоты, спокойного, ясного самоотречения и совершенной любви к людям, который мятущийся гений Толстого хотел достичь во всю свою жизнь и достигал только в искусстве...» [Маркин, В. 2002, с. 410].

А Историк и политик П. Н. Милюков вспоминал: «Я понял пропасть, отделяющую теоретика анархизма от практика... Идеал отодвигался в такую бесконечную даль, что между ним и его осуществлением образовался громадный промежуток, в котором оставалось место и для самых смелых исторических реконструкций – в будущем и для житейских компромиссов – в настоящем...». Однако, как отмечал здесь же П. Н. Милюков, «в душе Кропоткина противоречия просто не чувствовалось, оно не мешало равновесию, гармонии, которыми было проникнуто все его существо» [Милюков, П. 1991, с. 154].

При этом, некоторые исследователи Этики Петра Алексеевича Кропоткина отмечают, что он расширил термин «анархизм», выведя его за рамки социологии: это слово стало означать не только безвластное общество, но, более глобально, стремление Природы к гармонии, к самоорганизации [Филатова, Е. 2009, с. 4]. Анархизм для Кропоткина стал движением не столько «экономическим, по существу, но, в сущности, глубоко этическим», которое стремиться «пересмотреть основы всех нравственных понятий», чтобы перестроить жизнь на основе новой нравственности [Кропоткин, П. 1991, с. 27]. В свою очередь, по мысли самого Кропоткина, нравственность, основанная на природе, ведет к стремлению к общительности, а, «следовательно, и большего счастья для личности и более быстрого ее прогресса» [Кропоткин, П. 1991, с. 36].

В современных Петру Кропоткину условиях революционных кризисов для Петра Алексеевича «нравственный прогресс необходим, но без нравственного мужества он невозможен... Требуется новое понимание нравственности в ее основных началах, которые должны быть достаточно широки, чтобы дать новую жизнь нашей цивилизации». При этом, как убежден был Кропоткин, «элементы для нового понимания нравственности уже имеются» – это общительность и взаимная помощь «как положительно установленная научная истина, свободная от гипотез». По Кропоткину, главным элементом в этом отношении являлась взаимопомощь, которая ведет к «развитию чувства справедливости с его неизбежным чувством равенства или равноправия и равенственного самосдерживания. Мысль о том, что личные права каждого так же нерушимы, как естественные права каждого другого, растет по мере того, как исчезают классовые различия. И эта мысль становится ходячим понятием, когда учреждения данного общества подвергались соответствующему изменению» [Кропоткин, П. 1991, с. 43].

Вместе с тем, полагал сам Петр Алексеевич, «умственность данной эпохи всегда глубоко влияет на склад нравственных понятий общества». Он полагал, что мысли и идеи представ-

ляют нравственные силы, «когда они верны и достаточно широки, чтобы выразить истинную жизнь природы во всей ее совокупности, а не одну только ее сторону. Вследствие этого, первым шагом для выработки нравственности, способной оказать длительное влияние на общество, является обоснование ее на твердо установленных истинах» [Кропоткин, П. 1991, с. 37].

Возводя нравственность на вершину всемирного социального закона эволюции, Петр Алексеевич Кропоткин пришел к заключению, что «Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность — таковы последовательные шаги восходящего ряда настроений, которые мы познаем при изучении животного мира и человека». Это, как он был уверен, «всеобщий мировой закон органической эволюции», полагая, что «таковы твердые основания, даваемые нам наукой для выработки новой системы этики и ее оправдания» [Кропоткин, П. 1991, с. 44]. Однако, после разгона большевиками Лиги федералистов, главное требование к этике Кропоткин, формулирует так: «найти не компромисс, не сделку между ними, а их синтез, их обобщение» [Кропоткин, П. 1991, с. 38].

Необходимо также отметить, что в «Этике» Петра Алексеевича Кропоткина разговор идет именно о нравственности, а не о морали, поскольку нравственность имеет лишь внутреннюю санкцию, тогда как мораль является результатом смешения природной нравственности и влияния внешних условий — от географического и климатического фактора до политического устройства конкретного государства, от воспитания до образа жизни.

Именно нравственность должна стать, по замыслу Кропоткина, в таком случае, «строительницей» будущего общества. И в наши дни, такая наука, как эволюционная этика, утверждает через своего теоретика Майкла Рьюза вслед за Кропоткиным природное происхождение морали и то, что людям от природы присуще этическое поведение [Вопросы философии, 1989, с. 237].

Исходя из всего вышесказанного, следует так же отметить, что Вячеслав Маркин в своей книге не только оригинально проинтерпретировал уже известные ранее факты из изложенного в «Этике» Петра Кропоткина, но и сумел, опираясь на них и на некоторые малоизученные вопросы, по новому взглянуть на выстроенную Кропоткиным принципиально новую систему нравственного учения. Все это подтверждает первостепенное значение нравственности в «Этике» Петра Кропоткина и в его отношении к революции.

Кроме того, следует особо подчеркнуть, что, опираясь в основном на, казалось бы, уже известного нам своими общественно-политическими и философскими взглядами Петра Алексеевича Кропоткина, Вячеслав Алексеевич Маркин открывает перед нами совершенно нового Кропоткина. Прежде всего, мы можем наблюдать это в вопросе первостепенного значения нравственности у последнего в его не только этических, но и в общественно-политических взглядах в целом.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Архивные документы / Источники / Sources

ГАРФ, Ф. 1129, Оп. 1, Ед. хр. 36 [GARF, F. 1129, Op. 1, Unit ridge 36].

ОР ГПБ, Ф. 520, К. 3, Ед. хр. 87 [OR GPB, F. 520, K. 3, Ed. ridge 87].

Кропоткин, П. А. Анархия и ее место в социалистической эволюции. М., 1917 [Kropotkin, P. A. Anarchy and its place in socialist evolution. M., 1917].

Кропоткин, П. А. Век ожидания. Л.; М., 1925 [Kropotkin, P. A. Age of waiting. L.; M., 1925].

Кропоткин, П. А. Записки революционера. М.; Л., 1933 [Kropotkin, P. A. Notes of a revolutionary. M.; L., 1933].

Кропоткин, П. А. Нравственные начала анархизма. Лондон, 1907 [Kropotkin, P. A. Moral principles of anarchism. London, 1907].

Кропоткин, П. А. Этика анархизма. Б. м., 1900 [Kropotkin, P. A. Ethics of anarchism. B. m., 1900].

Кропоткин, П. А. Этика: Избранные труды. М., 1991 [Kropotkin, P. A. Ethics: Selected Works. M., 1991].

Кропоткин, П. А. Этика: происхождение и развитие нравственности. 2-е изд. Нью-Йорк: Комис. при Рабочем союзе самообразования. 1923. Т. 1 [Kropotkin, P. A. Ethics: the origin and development of morality. 2nd ed. New York: Comis. at the Workers' Union of Self-Education. 1923. Vol. 1].

Кропоткин, П. А. Этика [фрагменты]; Из фрагментов II тома «Этики» // Опыт: Литературно-философский ежегодник. М., 1990 [Kropotkin, P. A. Ethics: the origin and development of morality. 2nd ed. New York: Comis. at the Workers' Union of Self-Education. 1923. Vol. 1; Kropotkin P. A. Ethics [fragments]; From fragments of the II volume of "Ethics" // Experience: Literary and Philosophical Yearbook. M., 1990.].

Письмо П. А. Кропоткина А. М. Атабекину, от 2 мая 1920 г. / Публикация А. М. Атабекина // Почин. 1922. № 3. С. 6; [Letter from P. A. Kropotkin to A. M. Atabekyan, dated May 2, 1920 / Publication by A. M. Atabekyan // Pochin. 1922. No. 3. S. 6].

Публикации

Бонч-Бруевич, В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969 [Bonch-Bruevich, V. D. Memories of Lenin. M., 1969].

Вопросы философии. 1989. № 8 [Questions of Philosophy. 1989. No. 8].

Макс Нетлау. Пробуждение. № 15. Детройт, 1931 [Max Netlau. Awakening. No. 15. Detroit, 1931].

Маркин, В. А. Неизвестный Кропоткин. М., 2002 [Markin, V. A. Unknown Kropotkin. M., 2002].

Милюков, П. Н. Воспоминания. М., 1991 [Milyukov, P. N. Memoirs. M., 1991].

Оскар Уайльд // Памяти Уайльда: Сборник статей. М., 1905 [Oscar Wilde // In memory of Wilde: Collection of articles. M., 1905].

Филатова, Е. В. Социально-этические аспекты философского учения П. А. Кропоткина: Автореферат дис. ... канд. филос. наук. М., 2009 [Filatova, E. V. Social and ethical aspects of the philosophical doctrine of P. A. Kropotkin: Abstract of the thesis. ... cand. philosophy Sciences. M., 2009].

Чайковский, Н. В. Речь 1912. 26 нояб. № 325 [Tchaikovsky, N.V. Speech 1912. November 26. No. 325].

Черное знамя: [сб. статей]. СПб., 1906 [Black Banner: [Sat. articles]. SPb., 1906].

Чертков, В. Г. Пробуждение. № 15. Детройт, 1931 [Chertkov, V. G. Awakening. No. 15. Detroit, 1931].

Энрико Малатеста. Пробуждение. № 14. Детройт, 1931 [Enrico Malatesta. Awakening. No. 14. Detroit, 1931].

Сокращения / List of abbreviations

ОР ГПБ – Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации